

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME**

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЮЛДАШЕВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 1248/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 июля 2010

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу Юлдашев против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Президент*,

Нина Важич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи*,

и Серен Нильсен, *секретарь Секции*,

Проведя закрытое заседание 17 июня 2010 года,

Вынес следующее постановление, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с жалобой (№1248/09) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Узбекистана, г-ном Муродом Юлдашевым («заявитель»), 12 января 2009 года.

2. Заявитель был представлен юристами ЕНРАС/Правозащитного центра «Мемориал», НПО с офисами в Лондоне и Москве. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном Г.Матюшкиным, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей российскими властями с целью дальнейшей экстрадиции в Узбекистан, где ему грозило политически мотивированное преследование местными властями, нарушало его права по Статьям 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 13 января 2009 года Президент Палаты, в которую было распределено дело, решил в интересах сторон и надлежащего проведения судопроизводства указать Правительству России в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего указания.

5. 20 мая 2009 года Президент Первой Секции принял решение уведомить Правительство о жалобе. Было также решено рассмотреть дело по существу одновременно с вопросом о его приемлемости (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Предыстория

6. Заявитель родился в Узбекистане в 1972 году.

7. До мая 2005 года заявитель жил в Узбекистане и работал на обувной фабрике. 13 мая 2005 года заявитель и его коллеги пошли на демонстрацию на площади Бобура в Андижане, Узбекистан. Демонстрация была организована для выражения протеста против политики правительства. В какой-то момент власти открыли огонь по протестующим. Заявителю удалось сбежать с площади. Когда он вернулся домой, его родственники рассказали, что его разыскивают узбекские правоохранительные органы по подозрению в организации событий в Андижане.

8. 16 мая 2005 года заявитель бежал в Россию, опасаясь преследований узбекскими властями. У него не было постоянного места жительства в России.

B. Производство в Узбекистане

9. 2 июня 2005 года Ферганская областная прокуратура вынесла постановление о задержании заявителя в связи с его предполагаемым участием в андижанских событиях. Заявитель был объявлен в розыск.

10. 31 октября 2007 года заявитель был задержан в России (см. параграф 14 ниже).

11. 7 ноября 2007 года заявителю было заочно предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений, включая совершение террористических актов, участие в экстремистских организациях, попытки свержения государственного конституционного порядка и организацию массовых беспорядков.

12. 26 ноября 2007 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос об экстрадиции заявителя в Узбекистан для уголовного преследования.

13. 21 апреля 2008 года Генеральная прокуратура Узбекистана повторила свой запрос об экстрадиции заявителя в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, указывая, что «уголовное преследование М.Т. Юлдашева будет проведено в строгом соответствии с узбекским законодательством».

С. Производство в России

1. Экстрадиционные процедуры

14. 31 октября 2007 года заявитель был задержан в Красноярске, Россия, на основании того, что он был объявлен в международный розыск узбекскими властями.

15. 28 апреля 2008 года Генеральная прокуратура Российской Федерации удовлетворила запрос узбекских властей и приняла решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан.

16. 20 мая 2008 года заявителю было сообщено о вынесении решения о его экстрадиции.

17. 10 октября 2008 года заявитель обжаловал решение об экстрадиции в Московский городской суд, указывая, среди прочего, что его разыскивали узбекские власти за политические преступления и что Генеральная прокуратура Российской Федерации не согласилась с его утверждениями, что существовал реальный риск жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан. Заявитель просил суд признать решение об экстрадиции незаконным и освободить его из-под стражи.

18. 26 декабря 2008 года Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя и оставил решение об экстрадиции в силе. Суд указал, среди прочего, что утверждения заявителя о существовании реального риска жестокого обращения в Узбекистане

«...носят общий характер и не могут учитываться при рассмотрении конкретного материала в отношении Юлдашева М.Т. ...»

...письмо Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, в котором гарантируется, что уголовное преследование в отношении Юлдашева М.Т. будет осуществляться в строгом соответствии с законодательством Республики Узбекистан».

19. 11 января 2008 года заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Российской Федерации (Верховный Суд).

20. 13 января 2009 года Европейский Суд по правам человека удовлетворил запрос заявителя о применении срочных мер по приостановке его экстрадиции в Узбекистан в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда.

21. 5 марта 2009 года Верховный Суд оставил в силе решение Московского городского суда, и решение об экстрадиции вступило в законную силу.

2. Содержание заявителя под стражей для дальнейшей экстрадиции и его заявления об освобождении

22. 31 октября 2007 года заявитель был задержан в Красноярске, и 1 ноября 2007 года Железнодорожный районный суд Красноярска санкционировал его заключение под стражу для дальнейшей экстрадиции до «решения вопроса об экстрадиции [М.Т. Юлдашева] в Узбекистан» без указания каких-либо сроков.

23. 30 января 2008 года Железнодорожный районный суд вынес постановление об избрании заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу для дальнейшей экстрадиции в Узбекистан в соответствии со Статьей 466 § 1 УПК РФ.

24. 2 ноября 2008 года заявитель подал жалобу прокурору Москвы, указывая, что его содержание под стражей было как незаконным, так и чрезмерно долгим. Он просил, чтобы его освободили, и утверждал, что он содержался под стражей более года, а прокуратура не подавала ходатайств о продлении его первоначального заключения под стражу от 1 ноября 2007 года. Прокурор Москвы ответил заявителю 26 ноября 2008 года, указывая, что избранная ему мера пресечения в виде заключения под стражу «...может быть отменена судом в случае отмены решения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче».

25. 17 ноября 2008 года (в представленных документах была также проставлена дата 8 ноября 2008 года) заявитель подал жалобу в Тверской районный суд Москвы. Он утверждал, что содержался под стражей более года без каких-либо продлений срока содержания под стражей национальными судами и что власти не проверили законность его содержания под стражей.

26. 16 декабря 2008 года Тверской районный суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя по следующим основаниям:

«...в соответствии с положениями ст. 125 УПК РФ ... решения и действия (бездействия) [властей, вовлеченных в уголовный процесс] ... могут быть обжалованы в районный суд...

...как следует из представленных материалов ... предварительное следствие [в России] в отношении Юлдашева М.Т. не велось и не ведется ... все действия по его задержанию и заключению под стражу совершены в порядке Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 [Минская Конвенция] ... и ст. 466 УПК РФ, регламентирующей избрание или применение избранной меры пресечения ... для обеспечения возможной выдачи лица...

При таких обстоятельствах данная жалоба не может быть рассмотрена в порядке ст. 125 УПК РФ, предусматривающей иной порядок обжалования действий (бездействия) [только] в ходе предварительного расследования уголовных дел на территории Российской Федерации...»

27. 24 декабря 2008 года заявитель обжаловал данное решение в Московский городской суд. Он утверждал, среди прочего, что законность его содержания под стражей не была рассмотрена в течение более чем одного года, а также указывал следующее:

«...[Тверской районный суд] необоснованно ссылаясь на отсутствие у заявителя определенного процессуального статуса в системе российского судопроизводства, лишил его возможности требовать судебного пересмотра законности длительности содержания под стражей...»

28. 18 марта 2009 года Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя и оставил решение от 16 декабря 2008 года в силе.

29. 20 апреля 2009 года заявитель вновь подал жалобу на содержание под стражей в Тверской районный суд и просил освободить его. Он утверждал, что содержался под стражей почти восемнадцать месяцев, что длительность его содержания под стражей нарушает Статьи 108 и 109 УПК РФ, а национальные суды не рассматривали законность его содержания под стражей.

30. В тот же день, 20 апреля 2009 года, Тверской районный суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, так как «объект жалобы не подпадал под критерии Статьи 125 УПК РФ».

31. 2 мая 2009 года максимальный восемнадцатимесячный срок содержания под стражей, установленный в Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, истек, но заявитель был оставлен под стражей.

32. 2 мая 2009 года заявитель обжаловал решение Московского городского суда от 20 апреля 2009 года. Он утверждал, что он был заключен под стражу 1 ноября 2007 года, срок его содержания под стражей для экстрадиции был неопределенным, поскольку он не продлевался национальными судами. Заявитель ссылался на Статьи 108 и 109 УПК РФ и определения Конституционного Суда № 101-О от 4 апреля 2006 года и № 333-ОП от 1 марта 2007 года.

33. 29 июля 2009 года Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя в связи с пропуском срока обжалования.

34. 20 августа 2009 года заявитель обжаловал решение от 20 апреля 2009 года в порядке надзора в Президиум Московского городского суда.

35. 31 августа 2009 года Президиум Московского городского суда отказал в удовлетворении жалобы заявителя.

36. 28 сентября 2009 года заявитель подал жалобу Председателю Московского городского суда на решение от 31 августа 2009 года. 12 октября 2009 года городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя в связи с несоответствием процессуальным требованиям.

37. 10 декабря 2009 года заявитель ходатайствовал в Генеральную прокуратуру Российской Федерации об освобождении, указывая, что срок его содержания под стражей превысил установленный Уголовно-процессуальным кодексом срок.

38. 22 декабря 2009 года заявитель обжаловал решение Московского городского суда от 12 октября 2009 года в порядке надзора в Верховный Суд. 24 декабря 2009 года Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы.

39. 20 января 2010 года Генеральная прокуратура Российской Федерации отказала в освобождении заявителя, ссылаясь на применение срочных мер Судом.

40. 23 апреля 2010 года Бабушкинская межрайонная прокуратура вынесла решение об освобождении заявителя и в тот же день ходатайствовала перед Бабушкинским районным судом об изменении меры пресечения, примененной к заявителю, на домашний арест и переводе его в центр для содержания под стражей иностранных граждан.

41. 23 апреля 2010 года Бабушкинский районный суд отказал в удовлетворении ходатайства межрайонной прокуратуры и освободил заявителя из-под стражи.

42. 26 апреля Бабушкинская межрайонная прокуратура применила в отношении заявителя подписку о невыезде.

3. Ходатайства заявителя о предоставлении статуса беженца и временного убежища

43. 11 августа 2008 года заявитель подал ходатайство в Федеральную миграционную службу Москвы (ФМС) о предоставлении ему статуса беженца в России. Он ссылаясь на политически мотивированное преследование его в Узбекистане за предполагаемое участие в андижанских событиях в мае 2005 года.

44. 9 октября 2008 года ФМС отказала в предоставлении ему статуса беженца, указывая, что «...у г-на М. Юлдашева нет обоснованных опасений стать жертвой политических преследований в Узбекистане...».

45. 24 ноября 2008 года заявитель обжаловал данный отказ в Замоскворецкий районный суд Москвы. Ссылаясь, среди прочего, на прецеденты Европейского Суда по правам человека, заявитель жаловался, что его утверждения о реальном риске жестокого обращения в Узбекистане не были должным образом исследованы ФМС, и просил отменить решение от 9 октября 2008 года.

46. 4 декабря 2008 года Замоскворецкий районный суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя и оставил отказ в силе. Заявитель обжаловал данное решение в Московский городской суд.

47. 26 декабря 2008 года Московский городской суд оставил в силе решение районного суда, указывая, что

«...заявителем ... не приведено убедительных причин, свидетельствующих бы о наличии вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования при возвращении в Узбекистан по политическим мотивам либо по признаку расы, вероисповедания ... ».

48. 28 сентября 2009 года ФМС Москвы вынесла решение о рассмотрении ходатайства заявителя о предоставлении временного убежища в России.

49. 26 октября 2009 года Российское Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев сообщило в УФМС Москвы о том, что опасения заявителя относительно политически мотивированного жестокого обращения в Узбекистане были обоснованными и правомерными.

50. 25 декабря 2009 года ФМС Москвы отказала в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении временного убежища на основании того, что для него не существовало реального риска жестокого обращения в Узбекистане.

51. 11 февраля 2010 года заявитель обжаловал данный отказ от 25 декабря 2009 года в ФМС России. Решение по данному делу еще не вынесено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

A. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и судебный контроль за содержанием под стражей

1. *Российская Конституция*

52. Конституция гарантирует право на свободу (Статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. *Европейская конвенция о выдаче*

53. Статья 16 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (CETS № 024), участницей которой является Россия, предусматривает следующее:

«1. В безотлагательном случае компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...

4. Предварительное задержание может быть прекращено, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила запроса о выдаче и документов, упомянутых в Статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

3. Минская Конвенция 1993 года

54. В Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусмотрено, что требование о выдаче должно сопровождаться постановлением о заключении под стражу (Статья 58 § 2).

55. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В таких случаях подается отдельное ходатайство, содержащее ссылку на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Лицо может быть также задержано и без такого ходатайства, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно уведомлена о взятии под стражу (Статья 61).

56. Лицо, взятое под стражу согласно Статье 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение сорока дней со дня взятия под стражу (Статья 62 § 1).

4. Уголовно-процессуальный кодекс

57. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Меры пресечения») регулирует использование мер пресечения, или превентивных мер (*меры пресечения*), которые, в частности, включают заключение под стражу. Заключение под стражу может быть применено судом по ходатайству следователя или прокурора, если лицо обвиняется в преступлении, наказание за совершение которого предусматривает лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что не может быть применена менее строгая мера пресечения (Статья 108 § 1 и §3). Срок содержания под

стражей при расследовании не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев или, при исключительных обстоятельствах, до восемнадцати месяцев может быть разрешено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях (Статья 109 § 3). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев недопустимо, и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

58. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный контроль за решениями и действиями или бездействием следователя или прокурора, которые могут причинить ущерб конституционным правам или свободам участников уголовного судопроизводства (Статья 125 § 1). Суд рассматривает жалобы в течение пяти дней со дня их получения.

59. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру экстрадиции. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается решение о заключении под стражу, выданное иностранным судом, прокурор должен принять решение о относительно применения меры пресечения к лицу, выдача которого запрашивается. Мера должна применяться в соответствии с предусмотренным порядком (Статья 466 § 1). Лицо, которому было предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможным политическим преследованием в том государстве, которое запрашивает его выдачу, не может быть выдано этому государству (статья 464 § 1 (2)).

60. Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором может быть обжаловано в суде. Вопросы виновности или невиновности не входят в круг судебного рассмотрения, которое ограничивается лишь оценкой соответствия запроса о выдаче процедуре, установленной в соответствующем международном и национальном законодательстве (Статья 463 §§ 1 и 6).

5. Гражданский процессуальный кодекс

61. Лицо может оспорить в суде решения и действия или бездействие органов государственной власти или должностных лиц, которые нарушают его/ее права и свободы, препятствуют реализации его/ее прав и свобод или незаконно налагают обязанности или привлекают к ответственности (Статьи 254 § 1 и 255). Если суд признает заявление обоснованным, то он должен обязать соответствующие орган государственной власти или должностное лицо устранить нарушение или препятствие к осуществлению указанных прав и свобод (Статья 258 § 1).

6. Судебная практика Конституционного Суда

(а) Определение Конституционного Суда № 292-О от 15 июля 2003 года

62. 15 июля 2003 года Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе г-на Худоерова на продление срока его «содержания под стражей в ходе судебного производства» Владимирским областным судом после его истечения. Суд постановил следующее:

«Часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что суд ... по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения. Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю ... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (являющейся в соответствии со статьей 15, часть 4, Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации)...»

(b) Определение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

63. Проверяя конституционность Статьи 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требования о выдаче.

64. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в статье 22 и главе 2 Конституции, равно как и правовые нормы Главы 13 УПК РФ о мерах пресечения, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, или с превышением сроков, предусмотренных кодексом.

(с) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 по ходатайству Генерального прокурора о разьяснении

65. Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разьяснении определения данного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

66. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

(d) Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

67. В данном определении Конституционный Суд повторил, что Статья 466 УПК РФ не предусматривает того, что содержание под стражей лица на основании запроса о выдаче не должно соответствовать порядку и срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

(е) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 года

68. В данном постановлении Верховный Суд повторил, что задержание и заключение под стражу лица для целей его/ее дальнейшей экстрадиции в соответствии со Статьей 466 УПК РФ должны соответствовать требованиям Статьи 108 УПК РФ и что содержание под стражей для дальнейшей экстрадиции может быть продлено только в соответствии с требованиями Статьи 109 УПК РФ.

В. Соответствующие документы об использовании дипломатических гарантий и ситуации в Узбекистане

69. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/148 от 18 декабря 2007 года «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания» (UN Doc.:A/RES/62/148) говорится:

«Генеральная Ассамблея...

12. *настоятельно призывает* государства не высылать, не возвращать (“refouler”), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, и признает, что наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному праву, касающемуся прав человека,

международному гуманитарному и беженскому праву, в частности обязательств соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения...»

70. В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc.: A/60/316, 30 августа 2005 года), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Манфред Новак, пришел к следующим выводам:

«51. По мнению Специального докладчика, дипломатические заверения являются ненадежным и неэффективным средством защиты от пыток и дурного обращения: такие заверения обычно запрашиваются у государств, где систематически практикуются пытки; механизмы отслеживания судьбы возвращенных лиц не показали себя как гарантия от пыток; дипломатические заверения не имеют юридически обязывающего характера, в связи с чем они не имеют каких-либо правовых последствий, а их несоблюдение не влечет за собой никакой ответственности; лицу, которое призваны защитить заверения, некуда обратиться, если эти заверения не будут соблюдены. Поэтому Специальный докладчик придерживается той точки зрения, что государствам нельзя прибегать к дипломатическим заверениям как к гарантии от пыток и дурного обращения, если существуют серьезные основания полагать, что по возвращении человеку может угрожать применение пыток или жестокое обращение.

52. Специальный докладчик призывает правительства скрупулезно соблюдать принцип невыдворения и не высылать никаких лиц в те пределы или территории, где им могут угрожать нарушения прав человека, независимо от того, получили ли эти лица официальное признание в качестве беженцев».

71. Особо останавливаясь на ситуации с пытками в Узбекистане, применении пыток после дипломатических гарантий со стороны узбекских властей, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 2-й Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 года следующее:

«Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов... Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого анализа связанных с ними разбирательств, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан. Запрет пыток является абсолютным, и государства рискуют

нарушить данный запрет – свои обязательства по международному праву – передавая лиц в страны, где они рискуют подвергнуться пыткам. Я повторяю, что дипломатические заверения не являются юридически обязательными, низводятся существующие обязательства государств по запрещению пыток, являются неэффективными и ненадежными в обеспечении защиты прав возвращенных людей и поэтому не должны использоваться Государствами».

72. Далее, говоря о ситуации с пытками в Узбекистане, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 3-й Сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 года:

«741. Специальный докладчик ... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные заявления о пытках со стороны представителей правоохранительных органов в Узбекистане...

743. Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого тщательного исследования относящихся к ним процессов, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Тем более учитывая, что в настоящий момент не ведется независимого мониторинга прав человека.

744. В свете вышесказанного существует мало доказательств, в том числе и от Правительства, которые могли бы рассеять опасения или как-то иначе убедить Специального докладчика, что ситуация с применением пыток значительным образом улучшилась с момента прошлой поездки в 2002 году...»

73. Комментарии Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев о дипломатических заверениях и международной защите беженцев, опубликованные 10 августа 2006 года, гласят:

22. В целом оценка пригодности дипломатических заверений является сравнительно однозначной, когда они предназначены гарантировать, что рассматриваемые лица не подвергнутся смертной казни или риску определенных нарушений права на справедливое судебное разбирательство вследствие экстрадиции. В таких случаях запрашиваемое лицо переводится в условия формального процесса, и можно контролировать соблюдение предоставленных гарантий со стороны ходатайствующего Государства. Несмотря на отсутствие эффективных средств правовой защиты для запрашиваемого государства или возвращаемого лица, несоблюдении гарантий может быть легко выявлено и должно быть принято во внимание при оценке надежности таких гарантий в отношении будущих дел.

23. Ситуация отличается, если указанное лицо рискует быть подвергнутым пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в принимающем Государстве после перемещения. Было отмечено, что «в отличие от заверений о неприменении смертной казни или судебного разбирательства военным судом, которые легко поддаются проверке, гарантии против пыток и других злоупотреблений требуют

постоянной бдительности со стороны компетентных и независимых специалистов». Верховный суд Канады рассматривал данный вопрос в своем решении по делу Суреш против Канады (Министр по вопросам гражданства и иммиграции), сопоставляя заверения в тех делах, где присутствовал риск применения пыток, с теми, где высланному лицу грозил смертный приговор, сообщая о

‘...сложно чрезмерно доверять заверениям государства о том, что оно будет воздерживаться от применения пыток в будущем, когда оно уже применяло незаконные пытки или позволяло другим делать это на своей территории в прошлом. Эта сложность становится особенно острой в тех случаях, когда пытки причиняются не только в створе, но также и в силу бессилия государства регулировать поведение своих должностных лиц. Таким образом, необходимо проводить различие между заверениями в отношении смертной казни и заверениями в отношении пыток. Первые легче контролируемы и в целом заслуживают большего доверия, чем последние’.

24. В своем докладе перед Генеральной Ассамблеей ООН 1 сентября 2004 года Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания исследовал вопрос о дипломатических заверениях в свете обязательства отказа от принудительного возвращения, которое характеризуется абсолютным и неумалимым запрещением пыток и других форм жестокого обращения. Отметив, что при определении того, имеются ли веские основания полагать, что человеку будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, необходимо принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, Специальный докладчик далее высказал мнение о том, что:

‘при обстоятельствах, когда существует закономерность грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, или систематического применения пыток, принцип невыдворения должен строго соблюдаться, а дипломатические заверения не должны применяться’».

74. Государственный департамент Соединенных Штатов, Отчет о правах человека в странах мира за 2009 год – Узбекистан, 11 марта 2010 года.

«С. Пытки и иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание

Хотя конституция и закон запрещают подобные методы, сотрудники правоохранительных органов и сил безопасности регулярно избивают и иным образом жестоко обращаются с задержанными с целью получения признаний или обличительной информации. Пытки и насилие стали повседневными в тюрьмах, следственных изоляторах и местных полицейских участках и участках сил безопасности. Заключенных подвергали воздействию предельных температур. Наблюдатели сообщали о нескольких случаях медицинских злоупотреблений и одном известном случае применения принудительного психиатрического лечения.

...

По сообщениям, власти обращались с лицами, подозреваемыми в чрезмерных исламистских политических симпатиях, особенно во время досудебного заключения, с предполагаемыми членами запрещенных экстремистских политических организаций Хизб ут-Тахрир (ХТ) или Нур, более жестоко, чем с обычными преступниками. Местные правозащитники сообщали, что обычным преступникам власти часто платили или иным образом провоцировали на избивание подозреваемых в экстремизме или иных лиц, противостоящих правительству. Двое правозащитников, которые были арестованы, сообщали об избиваниях в следственном изоляторе.

Были сообщения о политически мотивированных медицинских злоупотреблениях. Жертвы могли ходатайствовать через защитников о рассмотрении их дел экспертными медицинскими консилиумами. На практике, однако, такие органы в основном поддерживали решения правоохранительных органов.

...

Условия в тюрьмах и следственных изоляторах

Условия в тюрьмах остались плачевными и в некоторых случаях угрожающими жизни. Продолжали поступать сообщения о серьезных злоупотреблениях, перенаселенности и нехватке еды и лекарств. Туберкулез и гепатит свирепствуют в тюрьмах, делая даже короткие периоды заключения под стражу потенциально опасными для жизни. Члены семей заключенных часто сообщали, что сотрудники тюрем крали еду и лекарства, предназначенные заключенным.

Были сообщения о том, что власти не освобождали заключенных из-под стражи, особенно осужденных за религиозный экстремизм, после окончания срока их заключения. Вместо этого начальство тюрем применяло ухищрения, чтобы продлить срок их заключения, обвиняя их в дополнительных преступлениях или заявляя, что заключенные представляют постоянную опасность для общества. Эти обвинения не рассматривались в судах».

75. Европейский Комитет по предотвращению пыток (КПП) в своем 15-ом Общем Докладе о деятельности от 22 сентября 2005 года, охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года, выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

«38. В предисловии было упомянуто потенциальное противоречие между обязанностью государства защищать своих граждан от террористических актов и необходимостью соблюдать основополагающие ценности. Это хорошо иллюстрируется ныне существующим расхождением во мнениях относительно использования «дипломатических гарантий» в контексте процедуры депортации. Запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения включает в себя и обязательство не отправлять человека в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему или ей грозит реальная опасность подвергнуться таким методам. Для того чтобы избежать подобного риска в определенных случаях некоторые Государства избрали путь получения гарантий от страны назначения в том, что соответствующий человек не будет подвергаться жестокому обращению.

Такая практика далеко не новая, но в последние годы попала в центр внимания, так как Государства все чаще стремятся отослать со своих территорий тех лиц, которые, как считается, угрожают национальной безопасности. Растут опасения того, что использование дипломатических гарантий является, по сути, средством обойти запрет на применение пыток и жестокого обращения.

39. Стремление к получению дипломатических заверений со стороны стран с плохими общими показателями по применению пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из этих данных необязательно следует, что тот человек, в отношении которого предполагается депортация, лично подвергается реальной опасности жестокого обращения в соответствующей стране; необходимо учитывать конкретные обстоятельства при проведении такой оценки. Однако если на самом деле существует риск жестокого обращения, то могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, где пытки и жестокое обращение постоянно широко практикуются, являться достаточной защитой против подобной опасности? С некоторой уверенностью можно заранее предположить, что даже если эти власти на самом деле эффективно контролируют учреждения, в которых предположительно будет содержаться под арестом соответствующий человек (что не всегда происходит в реальности), нет никаких гарантий того, что данные заверения будут соблюдаться на практике. Если эти страны не соблюдают свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных договоров по защите прав человека, то резонно задать вопрос, как можно быть уверенными, что они будут соблюдать гарантии, предоставленные на двусторонней основе в каком-то конкретном случае?

40. В ответ на это был выдвинут аргумент, что можно разработать механизмы мониторинга обращения с депортированным лицом после его возвращения в случае его/ее задержания. Несмотря на то, что КПП сохраняет непредвзятую позицию по данному вопросу, он все еще не увидел убедительных предложений по эффективным и практичным механизмам такого рода. Для того, чтобы быть эффективным, такой механизм должен, безусловно, включать некоторые основные гарантии, в том числе право на посещение соответствующего лица независимыми и достаточно квалифицированными специалистами в любое время и без предварительного уведомления, а также право на беседу с ним при закрытых дверях в том месте, которое они выберут. Такой механизм также должен предлагать способы незамедлительного действия по защите, в случае выяснения того, что предоставленные гарантии не соблюдаются».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

76. Заявитель жаловался, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его реальному риску пыток и жестокого обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

77. Правительство заявляло, что утверждения заявителя о политически мотивированных преследованиях проверялись российскими судами при рассмотрении жалоб на решение об экстрадиции и были отвергнуты как необоснованные. Российские суды руководствовались заявлением Генеральной прокуратуры Узбекистана о том, что для заявителя не будет никакой опасности жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан и что смертная казнь была отменена властями страны. Ссылаясь на гарантии узбекских властей, Правительство утверждало, что заявитель не будет подвергнут жестокому обращению или наказанию, нарушающему Статью 3 Конвенции.

78. Заявитель продолжал настаивать, что в российских судах он заявлял, что для него существует реальный риск жестокого обращения и политического преследования в Узбекистане. Он представил отчеты органов ООН и международных НПО по Узбекистану, которые подтверждали, что пытки широко распространены в местах содержания под стражей, и эта информация не была должным образом оценена российскими властями. Он отметил, что суды отвергали его доводы без какой-либо мотивировки, кроме ссылок на гарантии, предоставленные узбекскими властями. Наконец, он ссылаясь на ряд дел, уже рассмотренных Судом, в которых было установлено, что экстрадиция в Узбекистан лица, разыскиваемого за политические преступления, представляет собой нарушение Статьи 3.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

79. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее

отмечает, что она не является неприемлемой ни по каким основаниям. В силу этого она должна быть признана приемлемой.

2. *Существо дела*

80. Для обзора соответствующих основных принципов, разработанных в прецедентном праве Суда, см. дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, §§ 66-70, ECHR 2005-I.

81. Из материалов, представленных сторонами, следует, что заявитель был арестован в России и впоследствии заключен под стражу по запросу узбекских властей, которые подозревали его в совершении нескольких преступлений, включая попытку свержения конституционного порядка, террористические акты и участие в экстремистской организации. Российские власти инициировали процедуру экстрадиции в отношении него. В ходе данной процедуры заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его опасности жестокого обращения. Он также подал ходатайство о предоставлении убежища, повторяя свои доводы о страхе пыток и преследования по политическим мотивам. Он подтверждал свои утверждения отчетами, подготовленными органами ООН и международными НПО, описывавшими жестокое обращение с заключенными в Узбекистане. Российские власти отказали в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца и вынесли решение о его экстрадиции в Узбекистан.

82. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, существует ли реальный риск жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Поскольку он еще не был экстрадирован благодаря применению Судом срочных мер по Правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Следовательно, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и ее возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. дело *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996, *Отчеты о постановлениях и решениях* 1996-V, § 86).

83. Что касается утверждений заявителя о том, что заключенные подвергаются жестокому обращению в Узбекистане, Суд недавно подтверждал, что данная проблема общего характера все еще продолжает существовать в этой стране (см., например, дела *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, §§ 120-121, 24 апреля 2008, и *Муминов против России*, № 42502/06, §§ 93-96, 11 декабря 2008). Не было представлено никаких конкретных свидетельств, которые бы продемонстрировали какие-либо существенные улучшения в этой области в Узбекистане за последние несколько лет. Учитывая

данные обстоятельства, Суд считает, что жестокое обращение с заключенными представляет собой повсеместную и устойчивую проблему в Узбекистане.

84. Что касается персональной ситуации заявителя, Суд отмечает, что ему были предъявлены обвинения в политически мотивированных преступлениях. Учитывая, что в отношении заявителя было вынесено постановление о заключении под стражу, весьма вероятно, что он будет помещен под стражу непосредственно после экстрадиции и в силу этого подвергнется серьезному риску жестокого обращения.

85. Что касается аргументов Правительства о том, что от узбекских властей были получены гарантии, Суд уже предостерегал от доверия дипломатическим гарантиям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются (см. дела *Чахал*, цитированное ранее, и *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, §§ 147-148, ECHR 2008-...). Учитывая, что практика применения пыток в Узбекистане описывается признанными международными экспертами как систематическая (см. параграфы 71, 72, и 74 выше), Суд не убежден, что заверения узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска жестокого обращения.

86. Соответственно, насильственное возвращение заявителя в Узбекистан приведет к нарушению Статьи 3, так как там он подвергнется серьезному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 §§ 1 И 4 КОНВЕНЦИИ

87. Заявитель жаловался по Статье 5 § 1 Конвенции, что его содержание под стражей с целью экстрадиции было незаконным и неопределенным по длительности в нарушение соответствующих положений национального законодательства. Относимые части Статьи 5 § 1 (f) гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

88. Он также жаловался по Статье 5 § 4 Конвенции, что национальные суды не рассматривали законность содержания его под стражей. Статья 5 § 4 Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Представления сторон

89. Правительство настаивало, что содержание заявителя под стражей для дальнейшей экстрадиции было законным, так как оно было основано на решении Железнодорожного районного суда от 1 ноября 2007 года. Оно утверждало, что после этого его содержание под стражей было санкционировано тем же судом 30 января 2008 года и что оно полностью соответствовало положениям Статьи 466 § 1 УПК РФ. Далее оно утверждало, что срок содержания под стражей был увеличен в связи с ходатайством заявителя о предоставлении статуса беженца и применением срочных мер Судом.

90. Правительство утверждало, что жалоба заявителя о том, что национальные суды не проверяли законность его содержания под стражей, была явно необоснованной, поскольку он безуспешно обжаловал незаконность своего содержания под стражей в Тверской районный суд в ноябре 2008 года.

91. Заявитель не согласился с Правительством. Он утверждал, что ни одно из решений суда от 1 ноября 2007 года и 20 января 2008 года не предусматривало никаких сроков содержания под стражей и что длительность его содержания под стражей была чрезмерной в нарушение всех соответствующих положений российского уголовно-процессуального закона.

92. Заявитель далее утверждал, что российские суды не проверяли законность его содержания под стражей, отказывая в признании его стороной какого-либо соответствующего уголовного разбирательства (см. параграфы 26-27 и 29-30 выше).

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

93. Суд отмечает, что жалобы заявителя по Статье 5 §§ 1 и 4 не являются явно необоснованными в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не являются неприемлемыми ни по каким иным основаниям. Таким образом, они должны быть признаны приемлемыми.

2. *Существо дела*

а) **Статья 5 § 1 Конвенции**

94. Стороны согласились, что заявитель был заключен под стражу в качестве лица, «против которого принимаются меры по его высылке или выдаче», и что его содержание под стражей попадает под действие Статьи 5 § 1 (f). Стороны, однако, не согласны по вопросу, было ли данное содержание под стражей «законным» в понимании Статьи 5 § 1 Конвенции.

95. Суд отмечает, что заявитель был задержан в России в соответствии с постановлением о заключении под стражу, вынесенным прокуратурой в Узбекистане. Его задержание было первоначально санкционировано 1 ноября 2007 года Железнодорожным районным судом, а затем подтверждено 20 января 2008 года. Ни одно из решений не устанавливало срока содержания заявителя под стражей.

96. Что касается ссылки Правительства на то, что содержание заявителя под стражей для дальнейшей экстрадиции соответствовало положениям Статьи 466 § 1 УПК РФ, Суд отмечает, что в соответствии с определениями Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 года и № 333-О-П от 1 марта 2007 года, а также с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 года, рассматривая вопросы содержания под стражей для целей экстрадиции, российские суды должны соблюдать положения Статьи 108 УПК РФ, а содержание под стражей для целей экстрадиции может быть продлено только в соответствии с положениями Статьи 109 УПК РФ (см. параграфы 65-68 выше).

97. В ряде своих недавних постановлений Суд уже устанавливал, что положения российского права, регулирующие содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции, не являются ни четкими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют стандарту «качества закона», предусмотренному Конвенцией (см., например, дела *Насруллоев против России*, № 656/06, § 72, 11 октября 2007, *Исмоилов против России*, цитированное ранее, § 142, *Muminov*, цитированное ранее, § 122, и *Худякова против России*, № 13476/04, § 73, 8 января 2009).

98. Суд подтверждает выводы, сделанные в вышеупомянутых делах, и полагает, что, несмотря на аргументы Правительства об обратном, в отсутствие ясных правовых положений, устанавливающих процедуру назначения и продления содержания под стражей до решения вопроса об экстрадиции и определяющих сроки такого содержания под стражей, лишение заявителя свободы не было обеспечено адекватными гарантиями от произвола. В частности, Суд отмечает, что ни одно из решений суда, на которые ссылался заявитель, не устанавливало

каких-либо сроков содержания заявителя под стражей (см. параграфы 22 и 23 выше). По закону, регулирующему сроки содержания под стражей (статья 108 УПК РФ), срок содержания под стражей при предварительном следствии ограничен двумя месяцами. Судья может продлить этот срок до шести месяцев. Дальнейшее продление допускается судьей только в случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях. Однако в данном деле после истечения максимального первоначального срока содержания под стражей в два месяца (Статья 109 § 1 УПК РФ) суд не продлил срок содержания под стражей. Заявитель содержался под стражей для целей экстрадиции с 31 октября 2007 года по 23 апреля 2010 года, то есть почти два с половиной года, на основании последнего решения суда от 30 января 2008 года. В течение этого периода не было подано ни одного ходатайства о продлении срока его содержания под стражей. Таким образом, национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей, и его содержание под стражей не может рассматриваться в качестве «законного» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции.

99. Ввиду вышеизложенного Суд находит, что содержание заявителя под стражей в указанный период было незаконным и произвольным в нарушение Статьи 5 § 1.

б) Статья 5 § 4 Конвенции

100. Суд повторяет, что целью Статьи 5 § 4 является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный контроль за законностью меры пресечения, которой они подверглись (см. дело *Де Вильде, Уумс и Версин против Бельгии*, 18 июня 1971, § 76, Series A no. 12). Средство правовой защиты должно быть доступно во время содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль за законностью содержания под стражей, способный привести, в случае необходимости, к освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого Статьей 5 § 4 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, иначе у него будут отсутствовать характеристики доступности и эффективности, требуемые для целей данного положения (см., *mutatis mutandis*, дело *Стоичков против Болгарии*, № 9808/02, § 66 *in fine*, 24 марта 2005, и дело *Вачев против Болгарии*, № 42987/98, § 71, ECHR 2004 – VIII (извлечения)). Доступность средства правовой защиты предполагает, среди прочего, что обстоятельства, добровольно созданные властями, должны давать заявителям реальную возможность использования средства правовой защиты (см., *mutatis mutandis*, дело *Чонка*, цитированное ранее, §§ 46 и 55).

101. Суд не убежден аргументом Правительства, согласно которому заявитель воспользовался доступом к судебному контролю за содержанием под стражей, подав жалобу 17 ноября 2008 о том, что его содержание под стражей было незаконным и он не мог получить судебного контроля (см. параграф 25 выше). Заявитель намеревался убедить суды, что его содержание под стражей перестало быть законным после истечения предельного срока, предусмотренного статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса. На основании Статьи 5 § 4 Конвенции он был вправе обратиться в «суд», обладающий юрисдикцией на «безотлагательное» решение вопроса о том, стало ли лишение его свободы «незаконным» в свете новых факторов, возникших после постановления о его первоначальном заключении под стражу (см., *mutadis mutandis*, дело *Уикс против Соединенного Королевства*, 2 марта 1987, §§ 55-59, Series A no. 114).

102. Жалоба заявителя относительно контроля за его содержанием под стражей была отклонена национальными судами как несоответствующая Статье 125 УПК РФ, которая устанавливает, в принципе, возможность судебного рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав и свобод, включающие, по видимому, конституционное право на свободу. Данное положение предоставляет возможность подать такую жалобу исключительно «сторонам производства по уголовным делам». Российские суды последовательно отказывали в признании заявителя стороной соответствующего производства на том основании, что против него в Российской Федерации не было возбуждено уголовного дела (см. параграфы 26 и 30 выше).

103. Суд отмечает, что Правительство в своих замечаниях не предложило никаких путей судебного рассмотрения жалоб заявителя о содержании под стражей.

104. Наконец, Суд также отмечает, что ситуация заявителя подобна ситуации заявителей в делах *Насруллоев* (см. дело *Насруллоев*, цитированное ранее, §§ 88-89) и *Рябкин против России* (№ 8320/04, § 139, 19 июня 2008), где было установлено, что у заявителей не было формального статуса по национальному уголовному праву, поскольку против них в России уголовного дела не было заведено, и в этой связи законность их содержания под стражей не могла быть проверена судом.

105. Из этого следует, что на протяжении всего срока содержания заявителя под стражей ему не была доступна какая-либо процедура, посредством которой законность его содержания под стражей могла бы быть рассмотрена судом.

Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель утверждал, что ему не были доступны эффективные средства правовой защиты от вышеуказанных нарушений. Он ссылаясь на Статью 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Представления сторон

107. Правительство утверждало, что заявитель имел доступ к национальным судам в отношении своих жалоб о риске жестокого обращения. Он обжаловал решение об экстрадиции в национальные суды. Оно утверждало, что данное средство правовой защиты было эффективным, а отсутствие желаемого исхода рассмотрения жалоб заявителя не свидетельствует о его неэффективности.

108. Заявитель повторил доводы своей жалобы.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

109. Суд отмечает, что жалоба заявителя по Статье 13 не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не является неприемлемой ни по каким иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

110. Суд отмечает, что обязанности Государства по Статье 13 варьируются в зависимости от природы жалобы заявителя по Конвенции. Учитывая необратимую природу вреда, который может быть причинен в случае реализации предполагаемого риска пыток и жестокого обращения, и важность, которую Суд придает Статье 3, понятие эффективного средства правовой защиты по Статье 13 предусматривает (i) независимое и тщательное исследование заявления о том, что есть веские основания полагать, что существует реальный риск обращения, противоречащего Статье 3, в случае выдачи заявителя в страну назначения, и (ii) обеспечение эффективной возможности приостановки исполнения мер, последствия которых потенциально необратимы (или «средства правовой защиты с автоматическим приостанавливающим действием»), как было сказано в деле

Гебремедин [Габерамедин] против Франции, № 25389/05, § 66 *in fine*, ECHR 2007-V, которое касалось просителя убежища, желавшего попасть на территорию Франции; см. также дела *Ябари против Турции*, № 40035/98, § 50, ECHR 2000-VIII; *Шамаев и другие*, цитированное ранее, § 460; *Олекеа Кахаус против Испании*, № 24668/03, § 35, ECHR 2006-X; и *Салах Шикх против Голландии*, № 1948/04, § 154, ECHR 2007-I (извлечения).

111. Процедура судебного контроля, в принципе, представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу Статьи 13 Конвенции в отношении жалоб в контексте высылки и экстрадиции при условии, что суды могут эффективно контролировать законность применения исполнительной властью полномочий по материально-правовым и процессуальным основаниям и отменять решения в случае необходимости (см. дело *Сливенко против Латвии* (реш.) [БП], № 48321/99, § 99, ECHR 2002-II). Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что решение Генерального прокурора об экстрадиции заявителя было оставлено в силе Московским городским судом и Верховным Судом. В своих решениях национальные суды не провели детального исследования утверждений заявителя о риске жестокого обращения в Узбекистане и лишь сослались в общих чертах на гарантии, предоставленные узбекскими властями (см. параграф 18 выше). В результате суды не провели тщательного исследования жалоб заявителя о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан.

112. Необходимо также отметить, что Правительство не сослалось ни на одну норму национального законодательства, которая могла бы предоставить возмещение в ситуации заявителя или имела бы приостанавливающий эффект в отношении его экстрадиции (см., *mutatis mutandis*, дело *Муминов*, цитированное ранее, §§ 102-104).

113. Следовательно, Суд приходит к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела имело место нарушение Статьи 13 Конвенции, поскольку заявителю не было предоставлено эффективного и доступного средства правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3 Конвенции.

114. Что касается жалобы заявителя по Статье 5 Конвенции, в свете установленного прецедентного права Суда, указывающего, что более специальные гарантии Статьи 5, будучи *lex specialis* по отношению к Статье 13, поглощают ее требования (см. дело *Димитров против Болгарии* (реш.), № 55861/00, 9 мая 2006), и ввиду его ранее сделанных выводов о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не возникает отдельного предмета спора в отношении Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

115. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

116. Заявитель требовал 25 000 евро (EUR) в части компенсации нематериального вреда.

117. Правительство утверждало, что запрошенная сумма была чрезмерной.

118. Суд, производя оценку на справедливой основе, присуждает выплатить заявителю EUR 25 000 за нематериальный вред, как было заявлено, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы.

В. Издержки и расходы

119. Ссылаясь на договоры об оплате и отчеты юристов о затратах времени на выполнение работ, заявитель требовал 5 462 фунтов стерлингов (GBP) (примерно EUR 6 190) за работу юристов г-на К. Коротеева и г-жи Дж. Эванс в Лондоне, включая административные расходы и оплату переводов, и за работу г-жи Рябининой по представительству в национальных органах и перед Судом.

120. Правительство утверждало, что заявитель не представил никаких доказательств того, что оплата действительно была осуществлена и что суммы были разумны.

121. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявителю причитается возмещение издержек и расходов только в том случае, если будет показано, что они были действительно понесены, а также необходимы и разумны по своим размерам. В настоящем деле, учитывая представленные документы и вышеназванные критерии, Суд считает разумным присудить сумму EUR 5 500 в качестве возмещения всех заявленных издержек, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы.

С. Проценты за просроченный платеж

122. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которым должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что в случае исполнения решения об экстрадиции заявителя, будет нарушена Статья 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 3 Конвенции;
6. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать предполагаемое нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции;
7. *Постановляет*,
Что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления данного решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции:
  - (a) EUR 25 000 (двадцать пять тысяч евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации нематериального ущерба;
  - (b) EUR 5 500 (пять тысяч пятьсот евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве возмещения издержек и расходов, которые необходимо конвертировать в фунты стерлингов (GBP) по ставке, действующей на дату оплаты, и перечислить на банковские счета в Лондоне, указанные заявителем;
  - (c) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной

кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;

8. *Отклоняет* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и доведено до общего сведения 8 июля 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Президент